



ПОСЛЕДНЕЕ ТРИДЦАТИЛЕТИЕ XIX ВЕКА

Время Д.А. Толстого
и И.Д. Делянова

1

Последнее тридцатилетие XIX века было для России противоречивым временем, когда общественная мысль и глубоко связанная с нею судьба просвещения подверглись мощному влиянию с диаметрально противоположных идеологических позиций. Некогда почти монолитный костяк русского просвещённого общества раздирался на части, разрывался... Выдержать такую сшибку могли лишь явления, отличающиеся невероятной жизнестойкостью. Головокружительные ритмы культурной жизни той эпохи ощутили в литературе, образцы которой быстро становились классическими. Это было время правления императора Александра II, время больших реформ, когда социальные и культурные связи в обществе многократно усложнились. Патриотический подъём после русско-турецкой войны, новые территориальные приобретения в Средней Азии, утверждение рыночной экономики, в течение нескольких десятилетий поставившей Россию в зависимость от финансовых центров мира.

В последнее тридцатилетие XIX века журнал находился в центре горячих идеологических споров. Самый авторитетный русский мыслитель того времени — Лев Николаевич Толстой — встал в осознанную оппозицию к Министерству народного просвещения, к официальной идеологии. Он основал альтернативные нашему журналу педагогические издания. Позже эта тенденция наберёт силу, и с 1890 годов публицисты-демократы начнут издавать множество журналов, альманахов, хрестоматий, в которых будут излагаться точки зрения, противоположные официальной, академической. Но первым был Лев Николаевич Толстой.



«Потребность образования лежит в каждом человеке; народ любит и ищет образования, как любит и ищет воздуха для дыхания. Правительство и общество сторают желанием образовать народ, и, несмотря на всё насилие, хитрости и упорство правительств и обществ, народ постоянно заявляет своё недовольство предлагаемым ему образованием и, шаг за шагом, сдаётся только силе.

Как при каждом столкновении, так и при этом, нужно было решить вопрос: что более законно — противодействие или самое действие; нужно ли сломить противодействие или изменить действие?

До сих пор, сколько можно было видеть из истории, вопрос был решён в пользу правительства и образовывающего общества. Противодействие признавалось незаконным, в нём виделось начало зла, присущее человечеству, и, не отступая от своего образца действия, то есть не отступая от той формы и от того содержания образования, которым владело общество, оно употребляло силу и хитрость для уничтожения противодействия народа. Народ медленно и неохотно до сих пор покорялся этому действию».

Л.Н. Толстой.

«О народном образовании»

(статья опубликована в 1862 году
в журнале «Ясная Поляна»)

Рыночная идеология вторгалась и в педагогическую практику, делая мечты просветителей екатерининского и александровского (пушкинского) времени о внесловном образовании неосуществимыми...

В политике действовали энергичные и способные администраторы — министры финансов Н.Х. Бунге, И.А. Вышнеградский, С.Ю. Витте... Государственная идеология, в том числе и идеология просвещения, формировалась в острых, переходящих от теории к практике спорах К.П. Победоносцева и Н.Г. Чернышевского, Ф.М. Достоевского и И.С. Тургенева... В науке появлялось всё больше значительных имён; культурная жизнь заваривалась уже не вокруг одиночек-гениев и узких кружков рыцарей просвещения, а в лоне развитых национальных школ, осваивавших самые разные области человеческого знания. Это была созидательная эпоха, эпоха труда.

В рубрике «Правительственные распоряжения» «Журнал Министерства Народного Просвещения» опубликовал немало знаменательных документов: от высочайшего повеления «Об учреждении общества исследователей Западной Сибири» до многочисленных распоряжений по учреждению именных стипендий студентам. Для журнала это были годы интенсивной, насыщенной жизни. И его авторам требовалась всё большая аудитория. Среди министров народного просвещения и среди редакторов и авторов журнала было немало личностей, достойных отдельного повествования. О них и об их эпохе и будет наш рассказ.

Слова Льва Толстого из статьи «О народном образовании», написанные на заре новой, пореформенной России, отражают «центробежность» общества, начинающего сомневаться в коренных вопросах просвещения, в надёжности рационального инструментария. Родственник великого писателя, министр просвещения граф Д.А. Толстой пытался противостоять набирающим силу контрпросветительским тенденциям. Но, будучи защитником существующего политического строя, министр невольно становился и защитником строя экономического. А для православного человека и патриота России это было положение ложное: в мире капитала нашей стране отводилась незавидная роль вечного ученика, пушечным мясом расплачивающегося за кредиты. Самодержавие худо сочеталось с либеральной идеей, ставящей права личности выше долга перед Отечеством, а эгоизм — выше патриотизма. Ни традиции французского и русского просвещения, ни идеология Николая I и гр. С.С. Уварова не отвечали потребностям либералов. Л.Н. Толстой определяет проблемы педагогики своего времени с исчерпывающей публицистической отвагой, присущей гениальному писателю. И Министерство народного просвещения, и журнал министерства с 1860-х годов существовали в условиях взаимовлияния и конкуренции с толстовской школой, с педагогическими сочинениями и проектами Льва Николаевича, формально оставшимися за пределами внимания журнала, но влиявшими на его авторов с возрастающей силой. Не преувеличивая, можно сказать, что гигантская фигура гр. Л.Н. Толстого возвышается над русской педагогикой 1860–1900 годов.

2

Деятельность двух министров народного просвещения России — Д.А. Толстого и И.Д. Делянова — во многом определила развитие наших образовательных учреждений в последнюю треть XIX века и своеобразии министерского журнала.

Граф Дмитрий Андреевич Толстой был воспитанником Царскосельского лицея и с молодых лет на поприще государственной службы занимался образовательным направлением, а также проблемами церковной жизни и государственной безо-

пасности. На протяжении многих лет он возглавлял Священный Синод и два министерства — народного просвещения и внутренних дел, оставаясь одним из наиболее влиятельных политических деятелей и администраторов Российской империи. С 1866 по 1880 год Д.А. Толстой совмещал должности обер-прокурора Священного Синода и министра народного просвещения. Такое положение вещей, символизирующее единство трёх социальных институтов — государства, школы и церкви, вызывало активную критику в народнических и либеральных кругах. Но у Дмитрия Андреевича были и горячие сторонники, и заслуженно уважительное отношение к нему в российском чиновничестве. Граф Д.А. Толстой был вторым, после адмирала Е.В. Путятина, всероссийски известным политиком, возглавившим Министерство народного просвещения. Его многолетнее пребывание в правительственной элите объясняется прежде всего блестящими администраторскими способностями, которые угадывались ещё в родовитом лицейско-царскомельце — кстати, царскомельцем был и предшественник Д.А. Толстого на посту министра народного просвещения, А.В. Головин. Примечательно, что именно при министре Д.А. Толстом в 1869 году была учреждена должность инспектора народных училищ, ведшего надзор за начальными учебными заведениями. Об этом хорошо известно многим из истории семьи Ульяновых. Действительно, инспекторы народных училищ зачастую были самыми последовательными и активными проводниками и практиками просвещения в необъятной и многонациональной Российской империи. Д.А. Толстого и его соратника и преемника И.Д. Делянова называли «одними из реакционнейших политических деятелей России». Эту оценку никак нельзя считать приговором, ибо в развитии государства закономерно сменяются эпохи перемен и годы реакции. И для того и для другого требуются талантливые политики, одарённые администраторы — проводники своих принципов. Недруги Д.А. Толстого признавали его твёрдый характер и редкую в русском дворянстве искреннюю любовь к бюрократической работе. Чтобы осмыслить значение Д.А. Толстого в нашей истории, следует помнить суть его образовательной реформы: низшая школа — для народа, реальные училища — для буржуазии, классические гимназии — для дворянства. Питомцами университетов могли стать только выпускники классических гимназий (бывшие реальные гимназии преобразовались в реальные училища). В классических гимназиях огромное значение придавалось изучению древних языков; эта тенденция отразилась и на содержании журнала. Сам Дмитрий Андреевич Толстой называл свою линию европейским путём для России. Он нередко молился «священным камням» Европы с её античной Грецией, вечным Римом и аристократическим Версалем: «Вы говорите о борьбе, которую я должен был выдержать за русское просвещение. Не настало ещё время рассказать о ней подробно, но теперь уже можно выразить её в общих чертах. Дело было в том: идти ли России по широкому пути, проложенному европейской цивилизацией, или же по тем неведомым, неиспытанным тропинкам, которые предлагали наши доморощенные утописты. По воле государя императора я выбрал первый путь, широкий и испытанный»¹.

В политике у него были и верные союзники (такие, как М.Н. Катков и К.П. Победоносцев), и принципиальные противники. Перед Д.А. Толстым преклонялся Ф.М. Достоевский. Нетрудно догадаться, с каким скептицизмом относились к деятельности Дмитрия Андреевича И.С. Тургенев, М.Е. Салтыков-Щедрин и Д.И. Менделеев... Самый могущественный из противников министра — Михаил Таризелович Лорис-Меликов (1825–1888) — едва не прервал политическую карьеру Толстого, но Александр III возвысил знаменитого охранителя, умышленно вручив ему именно Лорис-Меликовскую вотчину — Министерство внутренних дел. Это назначение стало символом наступления реакции, усиления охранительных тенденций в идеологии. Такие меры не были популярны, однако в об-



Александр II

¹ Толстой Д.А. Речи и статьи. СПб., 1876. С. 46.



Журнал Министерства
Народного Просвещения
1915 г., № 12



Развитие мировоззрения Н.И. Пирогова

Развитие Пирогова, склад его личности и мировоззрения совершились под значительным иностранным влиянием, именно немецким. Пирогов поступил в московский университет почти отроком, 14 лет. Серьёзную научную школу Пирогов прошёл в совершенно немецком тогда Дерпте, где пробыл пять лет; потом отправился в Берлин и проучился там два года; затем, вернувшись в отечество, он прожил опять в Дерпте пять лет профессором, читая лекции и ведя все занятия на немецком языке. Итого прожил между немцами 16 лет, из них 12 лет тогда, когда он духовно складывался, выработывал из себя учёного, создавал себе убеждения и мировоззрение. В такое время как можно избежать значительно-го влияния окружающей среды?

В 1850 году от 12 апреля Пирогов писал своей второй жене, тогда ещё невесте: «Ты, как я вижу, не очень расположена к немецкому языку, мне это жалко; я люблю его, потому что обязан ему многим, через него научился я тому, что во мне есть хорошего. Не пугайся сложности и кажущейся учёнос-

ществе, напуганном народолюбческим террором, крепла и тоска по «сильной руке». Об этом свидетельствуют тогдашние выступления Ф.М. Достоевского, А.С. Суворина, Н.П. Стрехова.

О Д.А. Толстом спорят и сейчас. Приведём два мнения современных исследователей — историков Г.П. Измestьевой и В.Ф. Хотеевкова. Г.П. Измestьева представляет Д.А. Толстого оплотом государственности, борющимся с разрушительными планами либералов. Она анализирует процесс формирования его мировоззрения: «Религиозное мировоззрение, как и монархические убеждения Толстого, явилось результатом внутренней борьбы и серьёзных размышлений, осознанного, осмысленного выбора. В молодости он был близок к кружку петрашевцев и дружил с поэтом А.П. Плещеевым, одно из стихотворений которого было посвящено будущему министру просвещения. Толстой и Плещеев были неразлучны. Между ними существовала такая тесная связь, что, когда Плещеев был арестован, все знавшие их считали, что такая же участь постигнет и Толстого». Иными словами, подобно Ф.М. Достоевскому, Д.А. Толстой приходит к охранительству через увлечение либеральными идеями, через кружок М.В. Петрашевского. Что же касается Алексея Николаевича Плещеева, то он посвятил Д.А. Толстому своё стихотворение «Её мне жаль» — стихотворение, лишённое революционной, политической интенции:

Дай руку мне... Я понимаю
Твою зловещую печаль
И, полон тайных мук, внимаю
Твоим словам: «Её мне жаль».

Но тот же Плещеев сочинил один из известнейших революционных гимнов, строки которого могут восприниматься как преждевременный (из 1846 года) спор с толстовской образовательной реформой:

Провозглашать любви ученье
Мы будем нищим, богачам
И за него снесём гоненье,
Против безумным палачам!

Плещеевское демократическое понимание просвещения расходилось с аристократической, по английскому образцу, системой Д.А. Толстого. Тогда, в 1840-е годы, они были единомышленниками.

Г.П. Измestьева определяет кредо Д.А. Толстого: «Опыт духовных исканий сказался и в министерской работе Толстого. Либеральная пресса совершенно справедливо замечала, что он рассматривает классическое образование как средство от нигилизма и, в значительной мере, ценит его именно за это. Действительно, школьная реформа имела целью утвердить в молодёжной среде пристрастие к нравственным нормам, ориентацию созидания, а не разрушения, а также — уважение к законам. Министр неоднократно подчёркивал, что стремится оградить учащихся от политических страстей, чтобы они не оказались жертвами политических интриг, а сосредоточились на серьёзном образовательном труде. Он считал, что школа и университет должны быть вне политики».

Исследовательница приводит разные мнения о Д.А. Толстом, принадлежащие его современни-



Ф.М. Достоевский



Д.А. Толстой

кам. От редактора журнала «Вестник Европы» М.М. Стасюлевича («Он — ума мелкого, самых поверхностных идей, характера ничтожного, доступного влиянию всякой проsvирни...») до французского автора В. Лаферте, написавшего книгу о России времён Александра II: «Это человек обширной учёности, ума серьёзного и глубокого, характера твёрдого, не поддающегося никакому влиянию...» Ф.М. Достоевский писал об образовательной политике Д.А. Толстого: «В учебной реформе нынешнего царствования вся наша будущность, и мы знаем это»². Г.П. Измествьева утверждает, что преобразования министра расходились с планами либеральной оппозиции, и потому либеральная печать ополчилась на него, создала ему репутацию мракобеса.

В.Ф. Хотеевков в статье «Граф Д.А. Толстой. Лжегосударственный человек» анализирует методы работы Толстого в ином ключе: «Вступив на пост министра внутренних дел, гр. Д.А. Толстой не имел никакой позитивной программы, так же как в своё время, когда он был назначен министром народного просвещения... Даже К.П. Победоносцев обвинял «графа Толстого в негосударственности его управления, в отсутствии определённых намерений и видов, в желании лишь прожить со дня на день» (см.: Высшее образование в России. 1996. № 4). У Победоносцева была своя концепция развития школы — православная (с усилением роли церкви в народном образовании) и охранительно-монархическая. Идеологическим установкам Победоносцева был свойствен православный демократизм, к сожалению, мало отражённый в практике словной школы того времени. Он писал: «Понятие народное о школе есть истинное понятие, но, к несчастью, его перемудрили повсюду в устройстве нашей школы. По народному понятию, школа учит читать, писать и считать, но в нераздельной связи с этим учит знать Бога, любить Его и бояться, любить Отечество, почитать родителей. Вот сумма знаний, умений и ощущений, которые в совокупности своей образуют в человеке совесть и дают ему нравственную силу, необходимую для того, чтобы сохранить равновесие в жизни и выдержать борьбу с дурными побуждениями природы, с дурными внушениями и соблазнами мысли». К.П. Победоносцеву не удалось создать школы, в которой его тонкое понимание человеческой природы производило бы педагогический эффект.

Несоответствие реальной политики лучшим устремлениям — это трагедия для идеолога. Победоносцев пережил эту трагедию сполна. Диапазон отношений к Победоносцеву, господствовавших в обществе, определил мятежную душу той эпохи. И здесь можно вспомнить не только хрестоматийные блоковские «совиные крыла», но и нежнейшего Дмитрия Николаевича Мамина-Сибиряка, писавшего в приватном письме своей матери, А.С. Маминой: «Вчера умер Победоносцев, который затормозил русскую историю на целую четверть века. Сколько людей пострадало из-за его нелепого упрямства. Я его считаю Богом проклятым человеком, который был послан России за наши грехи. Ну, и чёрт с ним... Не стоит говорить... У всей литературы этот милый человек висел камнем на шее и принёс неисчерпаемое зло».

РАЗВИТИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ
Н. И. П И Р О Г О В А

ти слов; немцы любят точность и изысканность выражений, потому что в них есть врождённая совестливость и понятие о долге».

Немецкое влияние на мировоззрение Пирогова не ограничилось одной философией, область религиозно-нравственных идей периода 50–60-х годов и даже позднее также в значительной степени сложилась под немецкими влияниями. С этой точки зрения очень любопытно его письмо к невесте от 12 апреля 1850 года. Означенному письму сам Пирогов придавал громадное значение. В письме, для назидания невесты, Пирогов изложил свой взгляд на жизнь по трём основным сторонам душевной деятельности человека: «молись, люби и трудись».

Пирогов поучал свою будущую жену: «Поступки ребёнка нужно направлять по началам откровения, чтобы идея о будущей жизни всегда, беспрестанно и во всяком случае руководила дитятей. Детям ни одного шага не нужно делать без этой мысли. Эта мысль и развитие совести одно и то же: нет настоящей совести, нет этого внутреннего живого голоса души без мысли о бессмертии и будущей жизни. От развития идеи о будущей жизни в ребёнке, от направления всех его поступков и действий к этой основной мысли христианского учения зависит решительно вся будущая участь ребёнка».

Пирогов в «Вопросах жизни», особенно во второй их редакции, усиленно настаивал на необходимости самопознания, видя в самоанализе, самоуглублении и самопознании единственный путь для выяснения человеку самого себя и создания себе правильных убеждений. Важность самопознания распространяется на всю жизнь и даже на вечность, поэтому самопознание должно быть первым и любимейшим занятием христианина, желающего довести до совершенства свою бессмертную душу.

² Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1981. Т. 21. С. 136.

РАЗВИТИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ
Н. И. ПИРОГОВА

«Покуда я не убедился, что делаю доброе и делаю без всякого другого постороннего намерения, а только с одним внутренним убеждением, что необходимо делать доброе и делать его с любовью, с наслаждением, ища именно наслаждения только в том, что делаешь доброе из любви, — до тех пор я не христианин...» Так высоко и деятельно понимал христианскую любовь Пирогов.

Пирогов был сильный и крепкий ум, первостепенная европейская величина в области анатомии и хирургии. Это был самостоятельный мыслитель, духовно строивший всю свою жизнь с лютой внутренней борьбой вырабатывавший свои убеждения. Нам он дорог ещё тем, что научное изыскание, достижение научной истины он ставил своим идеалом, целью своей жизни, что ему были знакомы восторги научного творчества, и он признавал их счастливейшими состояниями, с которыми в жизни ничто сравниться не может. Чтобы понять и оценить Пирогова с этой стороны, необходимо внимательно и вдумчиво вчитаться в одно его письмо к невесте без даты, с надписью: «Писано для тебя одной».

Назначение женщины, рассуждает в этом письме Пирогов, быть супругой и матерью, жить для других. Эта цель твоего пола, по своей однообразности и определённости, не могла способствовать развитию в тебе ясного и точного понятия о той цели, которую могут избрать и преследовать только одни мужчины и которую избрал и неуспешно преследовал доселе я. Знай же, наука составляла с самых юных лет мой идеал, истина, лежащая в основе науки, сделалась высокой целью, к достижению которой я стремился беспрепятственно. Ты, не испытав, не можешь вообразить, с каким высоким неземным наслаждением соединено исследование истины, особенно если природа, в своих волшебных, очаровательных превращениях, управляемая вечными законами, составляет предмет этих иссле-



И.Д. Делянов

Не стоит упрощать и фигуру Д.А. Толстого — политика дальновидного и гибкого. Отметим, что Дмитрий Андреевич умел быть открытым, когда обращался к учащейся молодёжи: «Я знаю, что в ваши лета советов не любят, всякий молодой человек хочет узнать всё по собственному опыту, но иногда плоды этого опыта бывают очень горьки... Ребяческие бредни уничтожаются сами собой, но до тех пор могут наделать молодым много вреда... Популярности я не ищу, популярничанье презираю; ищу только пользы и, признаюсь, буду весьма счастлив, если со временем, вспоминая о годах своей молодости и перечисляя имена лиц, которые желали вам добра, вы причислите к ним и моё имя»³.

Между правлением Д.А. Толстого и И.Д. Делянова в Министерстве народного просвещения сменилось две администрации. Но пребывание А.А. Сабурова и А.П. Николаи на министерском посту было краткосрочным. Эпоха Толстого и Делянова продолжалась. В 1882 году Иван Давыдович (Ованес Давидович) Делянов стал министром народного просвещения по рекомендации К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова — и возглавлял это ведомство пятнадцать лет. И.Д. Делянов был армянином, приверженным, однако, не Армяно-григорианской, а Русской православной церкви. К тому времени дружба России и Армении, добровольно вошедшей в состав Российской империи, была проверена веками. В Армении чтит память о русских солдатах-освободителях, павших в войнах за свободу братьев-христиан в XVIII — нач. XIX века, в России воспринимали как родную архитектуру армянских соборов, с незапамятных времён влившуюся в традицию русской архитектуры. В.И. Ленин верно подметил, что самыми преданными слугами империи становятся патриотически настроенные представители национальных меньшинств — из числа тех, кто чувствует свою силу в империи и личную благодарность империи. Он писал: «Обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения» («К вопросу о национальностях, или об «автономизации», 1922 год). «Истинно русское» в тогдашнем политическом языке означало «черносотенное, консервативное». Конечно, под это определение подходил и Делянов. Человек твёрдых правил, Иван Делянов — политик, вошедший в ряд самых прославленных армян на российской и советской службе — вместе с Лазаревыми и Лорис-Меликовым, Орбели и Тевосяном, Микоянами и Баграмяном... Делянов не был новичком в управлении образованием. Он долгие годы работал в министерстве и успел хорошо изучить специфику этого труда. Ставленник Д.А. Толстого и К.П. Победоносцева, Делянов проводил крайне консервативную политику. Он стремился усилить роль церкви в начальном образовании — и это ему удалось: был принят закон о передаче церковноприходских школ и школ грамотности в ведение Синода. Министр просвещения не мыслил своей работы вне работы Синода. Солдат империи, Делянов стремился расширить влияние русского языка в Прибалтике и иных некоренных землях, сделав его обязательным для всех учебных заведений Российской империи, включая протестантские школы. Он не ве-

рил в благотворность университетской автономии и, по существу, уничтожил её своим жёстким университетским уставом. Строгости нравов Деянов добивался и регламентируя поведение студентов, за которыми теперь следили не только в университете, но и за его пределами. Студенчество в те времена, несомненно, представляло угрозу режиму как прогрессивная социальная сила. Опиравшаяся на молодёжь либеральная журналистика успешно выполняла функции либеральной жандармерии, заставляя порой трепетать от страха даже И.С. Тургенева и И.А. Гончарова. Трудно в нашей литературе найти шедевр, который не был бы освящен этой публикой. Если роман «Преступление и наказание» был заклеен как «клевета на нашу молодёжь», то что говорить о патриархальных и государственных ценностях, которые отстаивали К.П. Победоносцев, Дм. Толстой и И.Д. Деянов... Консерваторам приходилось обороняться, и делали они это весьма неуклюже. Журнал Министерства народного просвещения должен был противостоять либеральной журналистике, вести с ней идеологическую войну с позиций государства. К этому вёл свой подведомственный журнал Иван Деянов. Министр-долгожитель, прослуживший на ниве просвещения 50 лет и удостоенный за это графского титула, — колоритная фигура России времён Александра II и Александра III. Судьба последователя И.Д. Деянова — министра Н.П. Боголепова — лучше всего показывает, какие жестокие наступали времена для российского студенчества, для учёных и администраторов образования. Война идей переходила в уличный террор. Однако высокий градус политического противостояния почти не сказывался на содержании журнала. Ни редактор А.И. Георгиевский, ни его преемники не занимались пропагандой, деятельность министерства отражалась лишь в публикациях документов. Подобная установка на объективизм делает честь и редакторам журнала, и министрам. В данном случае действовало золотое правило: жандармерия — отдельно, а журналистика — отдельно. Журнал же был отчётливо ориентирован на научно-популярный жанр, преподносившийся, разумеется, в духе политической благонамеренности.

Александр II, с таким рвением принявшийся за переустройство российской жизни после Крымской войны, в последние годы своего царствования терял интерес к политике. Всё большее значение в политической жизни России приобретал брат Александра II — Константин Николаевич, председатель Госсовета. Именно от него исходила теперь законодательная инициатива, что и было отражено на страницах журнала. Он как высочайшая особа принимал самое активное участие в жизни министерства и в жизни журнала.

3

В годы службы редактора А.И. Георгиевского журнал состоял из четырёх частей. Обширнейшая рубрика «Правительственные распоряжения» включала публикацию Высочайших повелений, приказов и наград, а также разноуровневых распоряжений Министерства народного просвещения. Влиятельный «Отдел педагогики и наук» публиковал научные и популярные статьи и доклады. В наследство от эпохи К.Д. Ушинского остался мощный отдел «Критика и библиография». Завершала журнал рубрика «Современная летопись», в которой были представлены публикации разных жанров, от речей министра Д.А. Толстого до статей о состоянии народного просвещения в разных странах мира. В структуре журнала доминировала официальность, характерная для министерского, правительственного издания. Но именно та-

РАЗВИТИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ Н. И. П И Р О Г О В А

дований; что значат самые утончённые материальные наслаждения в сравнении с тем тихим, спокойным, но возвышенным чувством, которое наполняет душу каждого истинно любящего свою науку. Благодарность моя к избранной мною науке не иссякнет до конца моей жизни; я любил мою науку, как только может любить сын нежную мать; что были бы годы жизни, проведённые мною, если бы в них не было тех сладких мгновений и часов, которые доставляли мне занятия наукой.

Вот кто такой был Пирогов — верный слуга науки, исследователь истины, испытывавший восторги творчества и ставивший их выше всего на свете. Это был собственно идеалист чистой воды, человек долга, возложенного на него наукой, человек разума. Обыкновенные механические заимствования, так сказать, списывания несовместимы с ходом развития подобных личностей. Смена мировоззрений у Пирогова определялась потребностями его природы, его развития, а все внешние влияния усвоились настолько, насколько они отвечали назревавшему внутреннему перевороту. Конечно, они помогли благополучному течению этого переворота, давали ему внешнюю определённую форму.

Пирогов всегда был русским, был патриотом, радевшим о благе России, но только образование он получил у немцев, и некоторые взгляды его, от долгого житья среди немцев, носили немецкий отпечаток. А Пирогов был горячий патриот, как свидетельствуют «Севастопольские письма». Свой гражданский долг в ту тяжёлую годину России (1854–1855 годы) он исполнил так широко, серьёзно и самоотверженно, как дай Бог всякому, причём сердце его было переполнено высокими патриотическими чувствами. «Мыслей других нет и быть не может, как об раненых; засыпая, видя все раны во сне, пробуждаешься с тем же. Читать и писать времени нет. Усталый, вечером думаешь только,

РАЗВИТИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ
Н. И. ПИРОГОВА

как бы отдохнуть». «Не хочу видеть моими глазами бесславию моей родины; не хочу видеть Севастополь взятым; не хочу слышать, что его могут взять, когда вокруг него и в нём стоит слишком 100 000 войска, — уеду, хоть и досадно... Я люблю Россию, люблю честь родины, а не чины; это врождённое, его из сердца не вырвешь и не переделаешь... Русский Бог велик, — да, но и русские подлцы — велики». Не забудем, что Пирогов стоял за необходимость народного представительства в России, хотя и в весьма скромном виде, и что вообще он был гражданин-прогрессист.

Сначала, по приезде в Юрьев, немцы произвели на Пирогова отталкивающее впечатление. Это удручающее впечатление от немцев и всего немецкого тянулось целые годы, немцы казались Пирогову надутыми и натянутыми педантами, свысока, недоброжелательно и с презрением относящимися ко всему русскому. От занятий с такими скучными и бездарными учителями Пирогов не ждал ничего хорошего. Напротив того, французы казались народом избранным, даровитым, симпатичным. Остзейские немцы своими отношениями к русским поддерживали антипатию к себе русских, не хотели знать ничего русского. Но с течением времени Пирогов изменил свой взгляд на немцев: стал находить у немцев, в их духе и науке многие прекрасные, высокие и образцовые свойства, начал признавать немецкую нацию даровитой и высококультурной и даже находить гораздо больше сродства между русским и немецким умом, чем между русским и французским, дух, например, германской поэзии более сродным духу нашей, чем французской. «Я остался русским в душе, сохранив и хорошие, и худые свойства моей национальности, но с немцами и с культурным духом немецкой нации остался навсегда связанным узами уважения и благодарности, без всякого пристрастия к тому, что в немце действ-



А.И. Георгиевский

кой журнал был полезен и необходим. Ведь он был адресован работникам образования, которые благодаря журналу получали оперативную информацию о жизни государства, своих правах и обязанностях и о жизни министерства, которая освещалась с особой подробностью. И подчеркнём: журнал, предназначенный для пропаганды политики Министерства народного просвещения, проводил её деликатно, не превращаясь при этом в «агитационный листок».

Александр Иванович Георгиевский (1830–1911) по происхождению — дворянин Московской губернии, получил известность, работая на юге страны, в Одессе. В знаменитой Ришельёвской гимназии он стал профессором всеобщей истории и статистики. Как благонаме-

ренный и подающий надежды молодой учёный и общественный деятель, А.И. Георгиевский принимает активное участие в издании сборников еврейской литературы «Сион» и «Рассвет», выходящих в Одессе — культурном центре Новороссии. В 1862–1866 годах он заведует отделом внешней политики в уважаемых «Московских ведомостях», становится признанным журналистом, отличается организаторскими способностями и умением нравиться начальству, славится необходимым сотрудником. Именно в те годы в России появилось характерное словечко «службист», определявшее людей, преданных своему делу и своей карьере, хладнокровных, педантичных, уверенно поднимающихся по служебной лестнице. Не забывал Александр Иванович и о научных исследованиях. Признанием укрепляющегося авторитета Георгиевского стало предложение переехать в Санкт-Петербург и возглавить «Журнал Министерства Народного Просвещения». От такого предложения амбициозный и болевший за судьбы российской науки сотрудник «Московских ведомостей» не мог отказаться... Четыре года, с 1866 по 1870-й, он возглавлял журнал. И оставил редакторское кресло ради новых административных вершин, ведь Александр Иванович Георгиевский был одним из ближайших соратников министров Д.А. Толстого и И.Д. Делянова... Он занимается центральным проектом толстовского министерства — введением классической системы в средней школе, являясь членом учёного комитета министерства. О том, какие деликатные поручения выполнял Георгиевский, говорит и составленная им секретная записка «О беспорядках в высших учебных заведениях». В 1896 году Александр Иванович Георгиевский становится действительным статским советником, в 1901 году — сенатором. Менялись министры и правительства, но он оставался столпом российского просвещения. Его сын Лев Александрович отцовские традиции. Он был директором Императорской Николаевской гимназии в Царском Селе, сенатором, членом Государственного совета.

При А.И. Георгиевском журнал стал оплотом классического образования. Основные публикации — из всеобщей истории, в особенности — из истории классической античности. Вместо пропагандировавшейся К.Д. Ушинским «актуальной педагогики» — трактаты о Греции и Риме, о странах Востока. Между ними — весьма талантливые и капитальные статьи по культурологии. Несомненно, такие публикации способствовали повышению теоретического уровня российского учительства. При А.И. Георгиевском в журнале публиковались работы знаменитого

историка Сергея Михайловича Соловьёва («Прогресс и религия») и филолога, историка литературы Алексея Николаевича Веселовского («Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса» и др.), становившиеся событиями в культурной жизни России. Эти учёные, ставшие основоположниками научных школ, отдавали в «Журнал Министерства Народного Просвещения» отнюдь не второстепенные свои работы. Особенно это касается статьи А.Н. Веселовского, ныне считающейся классической в наследии крупнейшего разработчика сравнительного литературоведения. В 1870 году Веселовский опубликовал в журнале и свою программную статью — «О методе и задачах истории литературы как науки», не потерявшую актуальности и в наше время. Среди наших соотечественников и зарубежных славистов многие и сейчас представляют себе наш журнал как издание, в котором печатались А.Н. Веселовский и С.М. Соловьёв. Действительно, после публикаций классических идеологем автора теории официальной народности, министра народного просвещения графа С.С. Уварова в нашем журнале не было более громких явлений. Достойная репутация министерского издания закладывалась при редакторе А.И. Георгиевском. После Георгиевского одиннадцать лет журналом руководил Е.М. Феокистов, в будущем (с 1883 года) — начальник Главного управления по делам печати, а до назначения редактором журнала — известный учёный-популяризатор, автор работы о Л.Ф. Магницком. Феокистова сменил Л.Н. Майков, редактировавший журнал в 1883–1890 годах. Брат известного поэта Аполлона Майкова, он был выходцем из семьи, с XVIII века трудившейся на ли-



Л.Н. Майков

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ.

1893 года, ноября 2-го. Ординарному академику Императорской академіи наукъ, тайному совѣтнику *Майкову*—Всемилоостивѣйше пожелавшемъ быть вице-президентомъ сей академіи, съ увольненіемъ отъ должностей помощника директора Императорской публичной бібліотеки и правителя дѣлъ археографической коммисіи министерства народнаго просвѣщенія.

РАЗВИТИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ Н. И. П И Р О Г О В А

вительно нестерпимо для русского, а может быть, и вообще для славянина».

Это был мыслитель, человек, который до конца своих дней жил не только физически, но и духовно, передумывая и перестраивая своё мировоззрение. Он пережил глубокие перевороты, вырабатывал свои убеждения путём долговременной и лютой борьбы с самим собой, а эти менявшиеся убеждения вносили не только в его мышление, но и в настроение и действия больше новизны. Так, он замечает о себе, что когда он сомневался и не верил, он больше делал добра, вернее, делал его бескорыстнее, без всякого мотива или только из любви к науке. Бесплатная практика была для него в то время делом научного интереса. Самопожертвование для общей пользы он решался делать также бескорыстно. Пирогов не доказывает и не проповедует своих убеждений, он их только исповедует, как они у него сложились. Но в его личной вере, в личных переживаниях есть черты, которые сдружили его со всеми мыслящими людьми, есть элементы общечеловеческие, делающие веру Пирогова дорогой и близкой всем: это — признание в человеческой душе такого уголка, такого святого святых, которое составляет исключительное и всецелое достоинство личности, в которое никто и никогда не имеет права входить, ни представители государства, ни представители церкви, это царство полной свободы личности. «Всем верить в одно и то же невозможно». «Чтобы о религиозной ненависти я никогда от тебя не слышал, если ты истинно меня любишь и хочешь следовать моим наставлениям», — писал Пирогов своей невесте ещё в 1850 году (20 апреля). Вот это дорого, вот это драгоценно для каждого человека, имеющего притязание на ум и чувство. Дорого это и важно и для педагога: если не признавать право на святая святых и в воспитываемых, в детях, то всё воспитание превратится в механический процесс, в втискивание в детей всякой премуд-

тературной ниве. Сам Л.Н. Майков был замечательным историком литературы, изучавшим древнерусскую словесность и фольклор, а также написавшим труд о жизни и творчестве поэта К.Н. Батюшкова. Труды Л.Н. Майкова и собранные им фольклорные сборники переиздаются и в наше время. А к рубежам XIX века журнал пришёл с новым редактором — Василием Григорьевичем Васильевским. Об этом крупном учёном — одном из «китов» Санкт-Петербургского университета — мы подробнее расскажем в следующей главе...

Журнал был ориентирован на классическое образование. Проблемы изучения латыни, греческого и античной истории были в центре многих капитальных работ,

РАЗВИТИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ
Н. И. ПИРОГОВА

рости и добродетели, в насилии над детьми. Тон свободы и разумности прозвучал и в статье Пирогова «Вопросы жизни»... Эта-то слышавшаяся в статье песнь духовной свободы была по времени нова и смела, она будила умы и сердца, она находила отзвук во всех, жаждавших свободы и разумности. В этом её историческое значение, в этом источник её действия на современников, в этом её высший гуманизм.

Уже стариком, в «Дневнике», Пирогов утверждал, что каждый человек есть особый мирок со своим Богом. А по естественному порядку высокое уважение личности соединяется с заботой о развитии всех её качеств; индивидуальность, а не стадность, «развитие индивидуальной личности и всех присущих ей свойств — вот, по моему мнению, талисман наш против недугов века, клонящегося к закату. Средств к этому развитию не мало, была бы добрая и твёрдая воля» (Дневник, с. 315). Для педагога это заявление весьма важно, оно указывало ему талисман не только против недугов века, «клонящегося к закату», но и против недугов воспитания вообще, во все века. Преобладание стадных свойств в обществе есть, по Пирогову, признак весьма несовершенного состояния общества, с которым нужно бороться.

Ознакомление со сменой и развитием мировоззрения Пирогова, сопровождавшимися «лютой» внутренней борьбой «почти полжизни», объясняет, почему Пирогов так настаивал на выработке убеждений и на необходимости перевоспитания себя. Конечно, с его личной точки зрения человек, который внутренне не перегорел, который прямо присоединяется к одному из ходячих мнений, к одной из «толп», по его терминологии, и её взглядами начинает руководиться, не есть настоящий человек, это особь без притязаний на ум и чувство. Наблюдай, размышляй, заблуждайся, но непременно сам куй себе убеждения, сам решай вопросы жизни. Нет сомнения, что педагог не обязан

библиографических статей и рецензий. Пропаганда «толстовского классицизма» всколыхнула научную мысль русских античников, сделала её доступной для читателей. В этой области выделялись статьи В. Васильевского (интересна его работа «О построении крепости Саркел», посвящённая истории хазар, вышла в октябрьском и декабрьском номерах журнала за 1889 год), Ф.Ф. Соколова, П. Тихоновича, Н.М. Благовещенского (последний опубликовал в журнале интересную статью «Са-тиры Персия» — 1870 г.).

В 1868 году в 140-й части журнала опубликована статья Н.Х. Бунге «Джон Стюарт Милль как экономист». Николай Христианович Бунге (1823–1895) участвовал в Финансовой комиссии, разрабатывавшей проект крестьянской реформы, преподавал финансовое дело и политэкономии наследнику, великому князю Николаю Александровичу. Позже этот профессор и ректор Киевского университета стал товарищем министра (1880), а вскоре и министром финансов (1881). На этом посту Н.Х. Бунге работал до 1887 года, после чего на долгие десять лет был назначен председателем Комитета министров. Академик (с 1890 года) Бунге был одним из крупнейших политических деятелей России своего времени, как теоретик и практик он во многом стал вдохновителем реформ И.А. Вышнеградского, С.Ю. Витте и П.А. Столыпина. В шестидесятые годы, ещё не достигнув административных высот, он уже был авторитетным учёным-экономистом, и публикация его статьи в «Журнале Министерства Народного Просвещения» не могла пройти незамеченной. Работа Н.Х. Бунге о Джоне Милле получила европейскую известность, укрепила позиции будущего «правительственного волка». Показательная история: при редакторе А.И. Георгиевском наш журнал стал трибуной будущих и настоящих министров, журналом влиятельной элиты. Этот статус был приобретён и в связи с пребыванием на посту министра народного просвещения Д.А. Толстого и И.Д. Делянова — не просто политиков, но вождей целого направления в российской политике.

В сфере внимания авторов журнала оказалась судьба самого загадочного классического произведения русской литературы — «Слова о полку Игореве». Каждая новая работа о «Слове...», каждый новый перевод этого произведения — всё попадало на страницы журнала. В 1870 году, к примеру, в журнальной книжке появилась рецензия Н.А. Лавровского «О новом чешском переводе «Слова о полку Игореве». Обретение древнего поэтического эпоса было для России XIX века залогом государственного и культурного суверенитета, а международное признание «Слова...» особенно заботило министра просвещения и редактора журнала. Здесь совмещались и политические виды на всеславянское единение, и преодоление гимназических «комплексов» недооценки родной культуры.

На страницах журнала выступал и историк А.Г. Брикнер — автор масштабного труда о правлении Екатерины Великой и первый жизнеописатель Г.А. Потёмкина — князя Таврического, фельдмаршала и дипломата, первого политика из плеяды екатерининских орлов. В 1870 году А.Г. Брикнер опубликовал в отделе педагоги свою статью об исторических семинариях при университетах Германии. Наш журнал никогда не забывал о педагогической жизни Европы и мира, показывая российскому читателю её



И.В. Цветаев

своеобразие, раскрывая её опыт. И оказывалось, что знание европейской ситуации не перечёркивает собственный опыт. Вечно неразрешимый вопрос: можно ли дружить со всем миром без угроз для собственного государственного и культурного суверенитета? — на заре 1870 годов ещё не был убийственным.

Одним из знаковых авторов журнала стал в эти годы и Иван Владимирович Цветаев — замечательный русский учёный и просветитель, основатель Музея изящных искусств (нынешний Государственный Музей изобразительного искусства имени А.С. Пушкина), отец Марины Цветаевой. Появление Ивана Цветаева в нашем журнале, в контексте истории русского просветительства, было закономерным. Задача, к решению которой учёный шёл всю свою жизнь, была педагогической: он пытался донести до своих соотечественников представление о разных этапах истории мировой культуры, стремился к наглядности своих уроков культурологии, их центральной организованности.



В.С. Соловьёв

В 1877 году журнал напечатал статью Владимира Сергеевича Соловьёва «Философские начала цельного знания». Тремя годами ранее он дебютировал в отделе наук журнала статьёй «О философских трудах П.Д. Юркевича». Сын великого историка, также публиковавшегося в журнале, В.С. Соловьёв воплотил свой духовный опыт в сотнях страниц трудов. Обретение такого автора — событие в истории любого журнала. Выступление В.С. Соловьёва в журнале получилось ярким: первая публикация — это серьёзнейшая работа, получившая немалый резонанс. А статья

«Философские начала цельного знания» — глубочайшее исследование, ставшее классикой русской религиозной философии, — одна из самых важных публикаций журнала за его двухсотлетнюю историю.

Журнал давал представление об истории и современном положении разных стран и народов; в сферу интересов его авторов попадали не только просветительские сюжеты, но и краеведение, этнография. К примеру, в 1878 году рядом со статьёй Владимира Соловьёва публикуются записки Ал. Цагарели «Из поездки в Закавказский край летом 1877 года», в которых представлен обзор одной из отдалённых и загадочных местностей Российской империи. В той же журнальной книжке — рецензия на работы профессора Гревингга по исследованию первобытных древностей Прибалтийского края и статья «О древней культуре западных финнов по данным их языка». Эти публикации знакомят читателя с разными краями огромной страны, с культурой и бытом народов, населявших тогдашнюю Россию. Множество подобных публикаций свидетельствует, что это была политика журнала — благоразумная и поучительная. Гоголевская мечта «проездиться по России» как будто находит воплощение в этих статьях-путешествиях с их ненавязчивой дидактикой.

В отделе «Современная летопись» печатались разнородные материалы. Так, в одном из выпусков 1874 года статья П. Мартынова «Село Мишенское, родина В.А. Жуковского» соседствует с информационной заметкой «Открытие учительской семинарии в Пскове». Отношение к Василию Андреевичу Жуковскому в кругах, близких к журналу, вообще было самым восторженным. Именно он олицетворял в то время образ национального гения, великого поэта, чей вклад в

РАЗВИТИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ Н. И. ПИРОГОВА

разделять с Пироговым то или другое мировоззрение, им пережитое, но что он должен и сам иметь убеждения и подготавливать учащихся к образованию мировоззрения, — это бесспорно, это заповедь для каждого образованного человека и для педагога в частности.

Мировоззрения Пирогова, за исключением эпохи отрицания и господства материалистических взглядов, отличаются религиозным характером. Замечательно, что другие новые выдающиеся педагоги — Редкин, Ушинский, Корфт, Рачинский, Толстой — владеют в большей или меньшей степени тем же свойством. О более древних мы уже не говорим. Есть ли это национальная черта, свидетельствующая о наличности сильной религиозной потребности у русского народа? Или это есть результат профессии — педагогу свойственно с уважением относиться к культурным ценностям человечества, в том числе и к религии как одному из величайших культурных приобретений?

В развитии мировоззрения Пирогова есть связность и даже цельность. Он, уродждённый москвич, выучившийся читать по патристическим карикатурам на французов, до восьми лет почти не слышавший ни одного иностранного слова, выросший в набожной русской семье, он пропитался от головы до пят московско-русским и церковным духом, он складывался глубоко набожным человеком в духе Домостроя. Но вот явились товарищи другой закваски, с другими взглядами, приобретены некоторые научные знания, получился некоторый вкус к научному мышлению и его требованиям — и Пирогов, как маятник, качнулся в противоположную сторону...

Родина его интересовала глубоко, всеми сторонами своей жизни; Пирогов был не только завязанный учёный, но и общественник, притом ум с философской складкой. Московское благочестие и чисто русская наклонность к широкому размаху плохо уживались с немецким материализмом и специа-

РАЗВИТИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ
Н. И. ПИРОГОВА

лизмом, это две весьма различные стихи, которые нужно было переработать, чтобы сковать из них одну духовную личность.

Сам себя Пирогов характеризовал так: «Я принадлежу: 1) к искателям сильных ощущений и был бы страшным, азартным игроком, если бы играл в карты; был бы отчаянным спекулянтом, если бы был банкиром; 2) к людям с убеждением, что нужно жертвовать, рисковать и не малодушествовать в поступках и предприятиях, касающихся чести и жизни, будут ли эти честь и жизнь наши, или чужая собственность; 3) к людям, дорожащим своим призванием и ставящим его выше всего на свете, после Бога и религии, следовательно, и выше самого себя».

Пирогов приписывал себе характер открытый и смелый, не скрывал своих заблуждений, слабостей и пороков, а потому не делал секрета из своих неудач. Любовь к избранной им науке и призвание, а отчасти и любовь к славе — но не суетность, которую он презирал, увлекали его нередко к действиям, которых благоразумие при его положении требовало бы избежать.

...Мы должны признать, что преобладающим его свойством была разумность, интеллектуализм, поклонение науке. «Я для науки жил одной, одной ей дышал. Она меня спасла от суеты мирской».

У Пирогова была сильно развита способность самонаблюдения и самоанализа, отчего его «Я» двоилось, возникла борьба наблюдаемого и наблюдающего. Какое-либо настроение редко овладевало им сполна, почти всегда было так, что как будто бы одно его «Я» веселится, а другое в то же время тоскует и разбирает причину веселья первого. В порывах же страсти и увлечения всё зависело от их степени: увлекающееся «Я» быстро представляло свои мотивы; другое, удерживающее, также быстро приводило свои, и увлечение одолевало и приводило в действие свои

просвещение России почитался огромным. Так было в 1870-е годы; к 1890-м годам образ Жуковского был заслонён образом А.С. Пушкина. Но Жуковский-просветитель (учитель царя, переводчик и пропагандист шедевров мировой литературы и т.п.) оставался ключевой культурой хрестоматийной школьной русской литературы.

В.А. Жуковский был не чужд придворной жизни — и следовал её законам. Так, он «смягчал» строки пушкинского памятника в угоду стереотипам времени. В николаевские годы поэт создал цикл государствоутверждающих стихотворений, иллюстрировавших идеологическую систему гр. С.С. Уварова. Стихи получились напевные, талант Жуковскому не изменил — и в гимназиях разучивали эти верноподданические строки. Характерно, что сам Жуковский определял жанр таких стихотворений как народную песню, что соответствовало и социальным устремлениям Уварова.

Эти стихи Жуковского вполне отражают ту официальную идеологию, которая распространялась в учебных заведениях, её проводил и наш журнал. Рыцарский образ Николая I — крупнейшего политика своего времени — вписывался в романтические представления Жуковского об идеальном государе. Царь как олицетворение Родины и любовь к нему — как высший патриотизм — вот программа, успешно проводившаяся в России в течение нескольких десятилетий. Конечно, с течением времени картина усложнялась и идиллические стихи Жуковского многим уже казались выпренными. Клодтовский памятник императору Николаю Павловичу стоял на Исаакиевской площади, но больший восторг вызывало мастерство скульптора, нежели воспоминания о могущественном самодержце, в жизни которого, увы, был не только Адрианополь, но и Крымская катастрофа. Гимназисты продолжали разучивать стихи Жуковского о царе Николае, испытывая искреннее патриотическое чувство, скандируя «Царь великий, царь державный, обожаемый отец!», но в ранней юности многие из них узнавали и другую литературу — оппозиционную, всегда антимонархическую, а зачастую — и антироссийскую, воспитывающую в молодом поколении взрывоопасный и мучительный стыд за свою Родину.



В.А. Жуковский

Мы приведём одну из песен Жуковского. Все гимназисты знали её наизусть.

Многи лета, многи лета,
Православный Русский Царь!
Строем станьте, песню гряньте
Про Царя и про народ.
Царь державный, Русью славной
Правь на славу в род и род.
Были годы, непогоды
Поднимались и на нас;
С громом брани в наши грани
Тёмный враг вбегал не раз.
Но проснулся, развернулся
Наш орёл вождём полков;
Свет дивится, Русь гордится
Славой дедов и сынов.
День Полтавы — праздник славы,
Измаил, Кагул, Рымник;
Бой Московский; взрыв Кремлёвский
И в Париже русский штык.
За Балканом русским станом
Устрашенный старый враг;
И в ограду Царю-граду
На Босфоре русский флаг.
Величайся ж, Русь святая;
Славься, доблестный народ.
От Камчатки до Дуная
Наше всё и всё поёт:
Многи лета, многи лета,
Православный Русский Царь!

4

Следует вспомнить ещё несколько публикаций в журнале в последнее тридцатилетие XIX века. Основу журнала во времена редактора В.Г. Васильевского составляли именно научно-популярные, просветительские статьи. Высокий уровень публикаций того времени был признан научным сообществом, для которого «Журнал Министерства Народного просвещения» был добрым знакомым, сопутствующим учёному с университетской скамьи до самых высоких кафедр. В 1890 году в третьем номере журнала была опубликована пространная статья Е.В. Петухова «Несколько новых данных из научной и литературной деятельности А.Х. Востокова» с исчерпывающей информацией по заявленной историко-научной теме. Нельзя умолчать и о публикации 1882 года — статье О. Миллера «Вопрос о направлении Иосифа Волоколамского» (№ 4), посвящённой исследованию идейной стороны произведений преподобного Иосифа Волоцкого, в первую очередь — Просветителя. Активно сотрудничал с журналом и П.В. Голубовский. В его статье 1884 года «Печенеги, Торки и Половцы до нашествия татар» был предложен содержательный обзор важной исторической темы. Сенсационной была статья Евгения Макарова и А.И. Кирпичникова «Святой Георгий и Егорий Храбрый», опубликованная в нескольких номерах журнала в 1878–1879 годах. Авторы коснулись щекотливой темы — языческое влияние в русском православии. Радикализм этой статьи возбудил долгие споры, её влияние испытал писатель Н.С. Лесков...

5

В последнее тридцатилетие XIX века «Журнал Министерства Народного Просвещения» слыл органом толстовского классицизма. Как мы видим, такое определение не исчерпывает всего содержания журнала за это время. Но все противоречия политики Д.А. Толстого и И.Д. Делянова, К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова, которые пытались противопоставить популярной в обществе либеральной партии новое издание государственнической идеологии, отразились в ис-

РАЗВИТИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ
Н. И. П И Р О Г О В А

стремления только тогда, когда его мотивы представлялись какому-то ещё третьему «Я» более основательными и более сильными.» С давних пор, — сообщает о себе Пирогов, — я не могу ни на что смотреть и ни в чём убеждаться с одной стороны; непроизвольно, при каждом новом предмете, я тотчас же заглядываю на него со стороны противоположной той, с которой смотрю». Эта двойственность сыграла, по предположению Пирогова, немаловажную роль в его самовоспитании и самообладании.

Вообще Пирогов был до известной степени из самосдов, из самоаналитиков, любителей копаться в себе самом, в своём «Я», а это характернейший признак интеллектуальных натур. «Что жизнь без мысли?» — замечает он в письме к своей невесте, увещевая её, «любя и чувствуя, собирать свои мысли». Пирогов сообщает о себе, что особенно крепким здоровьем он никогда не отличался, что он не думал прожить более 30 лет, а потом, говорил он тогда в дневнике, в 18 лет, и несколько не рисуясь, «пора костям и на покой». «Ни одни гастрономические наслаждения не шли мне впрок, — и полные возбуждали потом отвращение и тоску». «Не имея от природы призвания к чувственным наслаждениям, не перенося пресыщения, я уже по этой одной причине должен был посвящать себя исключительно научным занятиям. А к этому ещё влекло и сильно развитое любознание».

...Любопытен взгляд Пирогова на чувство любви. Любовь, по своей сущности, говорит Пирогов, есть временное чувство, оно принадлежит только одному возрасту. Природа назначила его для возрождения и обновления. Животные, цветы украшаются, для чего-то сходного с нашей любовью, только на время. Какой же прочности можно требовать от чувства, назначенного для одной переходящей цели? Тебе, говорил Пирогов, обращаясь к невесте, которой он сообщал эти взгляды, не-



Титул журнала 1895 года

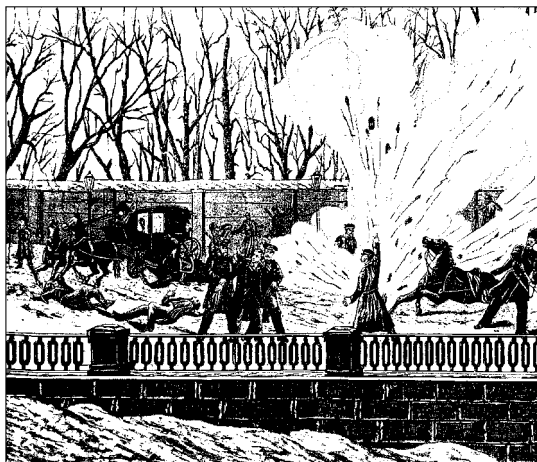
ОГЛАВЛЕНІЕ СЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТЬЯГО ТОМА.	
СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.	
Дворанское гильдо. И. С. Турецова.	Стр. 5
Взглядъ на Русское судостроеніе и судопроизводство. М. Филипповъ.	161
Робертъ Оуэнъ и его попытка обществѣнныхъ реформъ. Н. Т.—нова.	230
Военное, съ его сатирико «Домъ сумасшедшихъ». Е. Я. Колбасина.	275
О шлохѣ. (Вступленіе къ сатирику). I. Утренняя прогулка. Ш. А.	307
Никола и молодой сатирикъ. Стихотв. А. А. Фета.	312
Экономическая дѣятельность и законодѣтельство. И. Г. Чернышев—ский.	313
Очерки народнаго быта. VI. Ночь подъ свѣтлымъ дѣнь. Разсказъ	369
Повѣстный кредитъ и его современная организація въ Европѣ.	377
Грѣш. Стихотв. А. А. Фета.	440
Развѣсное житье. Разсказъ И. Щедрина.	441
Еврейскія мелодіи. (Назъ Байрона). Д. М.—Л.	470
Рѣка Керченецъ. Алексѣя Потапова.	473
Стихотвореніе А. С. Пушкина, въ первый разъ являющееся въ пе— чатѣ.	505
О шлохѣ. (Вступленіе къ сатирику). II. До сумерекъ. И. А. Пурлесова.	511
Свѣръ Скандинавіи въ картинкахъ природы и народнаго быта. За— мѣч. взгляды (въ приложеніи).	511
Занна Мери. Письма трехъ дѣвушекъ. Повесть Эрнесто Серре (въ приложеніи).	511

РАЗВИТИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ
Н. И. ПИРОГОВА

приятно, конечно, что я так смотрю на любовь; тебе бы хотелось, чтобы я признавал её чувством неизменным и вечным. Но так думать о любви невозможно. «Для прочности любовь нужно соединять с другим чувством, не столько сладким, но более постоянным».

...Пирогов озаменовал себя на различных поприщах. Крупными фактами его общественно-учёной деятельности были следующие: организация преподавания госпитальной хирургии и анатомического института при медико-хирургической академии в Петрограде, причём пришлось вести энергичную борьбу с административным «военно-учёным болотом»; организация первой в России общины (крестовоздвиженской) сестёр попечения о раненых и больных в Севастополе, причём положение дел было таково, по краткой характеристике Пирогова: «в то время, когда вся Россия щипала корпию для Севастополя, корпией этой перевязывали англичане, а у нас была только солома»; энергичная работа на нескольких других театрах военных действий и, наконец, оживлённая административно-педагогическая и реформаторская деятельность в качестве попечителя одесского и киевского учебных округов.

П. Каптерев



товались финансовой целесообразностью, законами наживы. Их демонстративная лояльность по отношению к самодержавию и церкви была инерционной, натужной и не имела ничего общего с реальной деловой практикой. Революционные настроения нарастали, становясь объективной реальностью. В государственной жизни не хватало суворовской и пушкинской гармонии. Учителя и школьники первыми принимают на себя огонь идеологических битв. Ведь каждый из нас знакомится с государственной политикой, с её парадным набором максим и стереотипов именно за школьной партой. «Журнал Министерства Народного Просвещения» находился на передовой идеологической борьбы, и в этой войне не могло быть победителей, только тяжкие потери. За полтора десятилетия до событий 1905 года в нашей педагогике начинает проявляться народническая традиция, оппозиционная по отношению к официозу Министерства народного просвещения. После октябрьского Манифеста оппозиционная (теперь — социал-демократическая) педагогическая пресса уже воздвигла систему, конкурировавшую с государственной. На неё работали и учебники, и сотни учителей, и целый ряд издательств. Это был один из самых болезненных итогов толстовской политики — безусловно, нежелательный для Победоносцева, Толстого, Делянова, Георгиевского...

тории журнала. В условиях, когда в российской жизни укреплялась буржуазия (отечественная и иностранная), при кризисном состоянии в огромной империи национального вопроса охранительство Толстого не могло иметь успеха. Каково было воспитывать верноподданнические чувства у гимназического учителя и гимназиста, когда новые хозяева жизни — капиталисты — открыто манкировали государственным интересом, руководст-

